

ВИКТОР ТАНЧЕР,

доктор философских наук, заведующий отделом истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины

Социология интимности: эротика и любовь в постмодерной деконструкции

Abstract

Intimacies taking place in lives of modern people mostly attract attention of sociologists in situations when the post-modern priorities are changing. We can see some sociologization of intimacies, deconstruction of their components: sexual relationships, eroticism and love, in which eroticism becomes self-sufficient and the whole sphere can be described as more democratic. Sexuality becomes the field, where people can realize themselves, as well as the main direction of their emancipation.

Среди многочисленных изменений в социальном мире человека III тысячелетия — многие из которых называются постмодерными — не осталась незатронутой и сфера интимной жизни. Казалось бы, ну что здесь может радикально измениться? Ведь природа человека та же самая. И помимо биологической составляющей функционирование человека как живого существа является социокультурной составляющей бытия *homo sapiens*. Собственно, она-то и переживает времена радикальной трансформации.

Среди известных социологов, обратившихся к анализу трансформаций в очерченной сфере жизнедеятельности и посвятивших ей свои исследования, находим Э.Гидденса, З.Баумана, Н.Лумана, Дж.Уикса и др. Проблематика интимной, эмоциональной стороны жизни, сексуальных, гендерных отношений, смены ценностной иерархии и приоритетов (от внешнего к внутреннему, от материального к идеальному) и т. п. занимает заметное место в современной социологической аналитике.

“Постмодернизация изменяет характер базовых норм политической, трудовой, религиозной, брачной, половой жизни”, — приходит к выводу известный исследователь процессов общественного развития Р.Инельгарт.

Взгляды на мир, доминировавшие в индустриальном обществе, понемногу вытесняются новым мироощущением [12, с. 263].

Трансформация интимности может оказывать разрушающее влияние на современные общественные институты в целом, считает Э.Гидденс. Социальный мир, где эмоциональная реализация личности по своей значимости превосходит приоритеты максимализации экономического роста, ощутимо отличается от мира, существовавшего в недавнем прошлом. В условиях постмодерных приоритетов, изменения, которым подвергается сфера секса, являясь, по словам известного социолога, действительно революционными и очень глубокими [1, с. 3], действие их во многом выходит за пределы этой сферы и затрагивает всю социальную систему.

Вместе с тем, имеются все основания говорить о *социологизации* интимности: социологическая рефлексия над проблемами секса, половых отношений, эротических переживаний, родственных отношений и всего, что связано с сексуальностью, заметным образом влияет на отношение к этим явлениям, к их новой роли и значению, которые они приобретают в сегодняшней социальной жизни, и соответственно корректирует поведение людей.

Происходит постоянный пересмотр общественной практики в свете знаний о ней, она проверяется и преобразуется с поступлением новой информации и таким образом изменяет свой характер. То есть речь идет о феномене рефлексивности, тесно связанном с социологизацией постмодерной социальной жизни: формы общественной жизни частично конституируются самим знанием об этой жизни. Отсюда — интерес к попыткам научного анализа этой проблематики, к дискурсу интимности в постмодерном мышлении.

Отныне ответ на традиционный вопрос “Как я должен жить?” будет включать варианты ответа на целый ряд вопросов: “Как мне вести себя?”; “Что я буду носить?”; “Что я буду есть?” и — наиболее существенный — “С кем вместе я буду жить?”; “Кого я буду любить?”. И в этом заключается основная смена приоритетов по шкале ценностей постмодерного человека. “По мере того, как энергия постмодернизма усиливается, подрывая установленные модели и прежние, ранее установленные кодексы, эти вопросы все более выходят на первый план, и прежде всего то, что называется интимной сферой, областью “частной жизни”, включая ее безгранично податливого и неразборчивого партнера — эротику”, — приходит к выводу известный исследователь этих проблем Дж.Уикс [11, с. 279].

Интимность в ее постмодерных формах характеризуется и радикальной демократизацией межличностных отношений, поскольку имеется в виду уже не только индивидуальное бытие, модели личной жизни, но и реальное равенство партнеров, свободный выбор жизненных стилей и форм сожительства. Такая демократизация с ее дилеммами является определяющим моментом в понимании современных изменений сексуальных обычаев.

Таким образом, приверженцы постмодерного подхода к обозначенным проблемам *стремятся* осуществить деконструкцию сферы интимности, состоящую из трех разных, но взаимосвязанных компонентов: секса, эротики и любви, определить новое место каждого из них в континууме, представить собственное понимание значения каждого из них в интимной жизни. Такая деконструкция — излюбленная процедура постмодерного дискурса — является ярким примером постмодерной методологии объяснения актуальных социальных процессов в целом.

Три компонента “двойственного пламени жизни”

В наше время наблюдается резкое ускорение исторической эволюции триединого континуума интимности. Секс, эротика и любовь имеют каждый свой язык и символическое выражение, они близки, но так различны. В течение всей истории общества их роли в жизни человека существенно отличались, место в этом сплетении каждой из трех тоже было разное. Известный социолог З.Бауман обращается к выразительной метафоре мексиканского мыслителя Октавио Паза — Эрос как “двойственное пламя жизни”: “Из первобытного костра секса, разжигаемого природой, вырастает пурпурное пламя эротизма, над которым с пробуждением человечности вьется изысканный голубой язычок пламени любви” [цит. по: 8]. Такова традиционная иерархия этих компонентов, и в принципе она не изменилась, однако изменяется значение каждой ее составляющей.

На основе природной составляющей — секса, при посредничестве эротики возникает феномен сугубо человеческих отношений — любви. То есть эротика выступает промежуточным звеном между сугубо естественным (сексом) и духовным (любовью) явлениями и, одновременно, ареной столкновения этих двух начал. Все три, переплетаясь, не теряют своей обособленности и каждое стремится утвердить свою самодостаточность. Вспомним, с одной стороны, попытки рассматривать секс “как спорт”, как своего рода физическую культуру, полезную или вредную для здоровья, или, с другой — “платоническую любовь”, не требующую никаких физических контактов. Однако все они связаны между собой. Хотя границы между ними подвижны, а пограничные сферы являются объектом инвазий, непрерывных попыток колонизировать друг друга.

Рассмотрим каждый из этих компонентов в традиционном и в постмодерном измерениях.

Секс — это менее всего человеческая, скорее животная составляющая интимной жизни. Он является продуктом природы, а не культуры, это то, что объединяет человека с животным и растительным миром, миром всего живого. Секс — это сторона личности, остающаяся “незамутненной культурой”. Он в своей основе всегда одинаков; как подчеркивает З.Бауман, “гораздо больше прогресса было в кулинарии, чем в сексе”. Изменяются лишь эротические сублимации секса, фантазии и его субституты, замещения. В истории человечества мы наблюдаем только эволюцию культурной манипуляции сексом, попытки использовать его для чего-то другого, нежели было заложено природой. Прежде всего это касается искусства, где всегда стремились отделить сексуальное переживание, сексуальное удовлетворение от репродуктивных задач — основной функции и оправдания существования секса.

Вместе с тем, природа слишком расточительна, избыточна в достижении своих репродуктивных задач, цель поражается градом пуль, хотя вполне достаточно одной. Природа щедро наделила человека сексуальной энергией, чересчур избыточной для одной только репродукции. Зачем ее столько? Видимо, следует согласиться с теми учеными, которые предполагают, что извечный вызов человеческой культуре и обольщение человеческого разума сексом находит реализацию в творчестве, выплескивая эту энергию в сопредельные сферы и порождая конфликты.

Такая сексуальная чрезмерность человека имела своим последствием общественное ограничение и даже покарание секса, когда тот выходит за пределы своего основного предназначения — задачи продолжения рода. В течение столетий с ним мирились как с вынужденной необходимостью. Ведь плотское — это дьявольское, и если дать ему свободу, то и душу утратишь. Отсюда уничижительное истолкование сексуальности как чего-то “грязного”, не достойного культурного человека. Это то, что нужно скрывать, что не принято публично обсуждать.

Однако “сексуальная революция” середины XX века решительно изменила такое традиционное отношение к сексу. Ряд социальных изменений обусловил глубокие изменения в области сексуальности, буквально революционизировав, по словам Гидденса, этот мир. В первую очередь, речь идет о наступлении “пластикового секса” (*plastic sexuality*), то есть современных способов контрацепции на “этос романтической любви”; очищении сексуальных отношений от всего привнесенного в секс, исповедывании “чистой сексуальности”; утверждении права женщины на сексуальное удовлетворение и рассмотрении проблем пола с феминистских позиций; и наконец — секс становится сферой публичной и, как отмечает Гидденс, о нем говорят на языке революции.

Секс в постмодерном понимании данного феномена — это прежде всего то, что открывается, выясняется и становится привлекательным в процессе развития разных стилей жизни. Он стал общедоступным и достижимым для рядового человека благодаря возможности “испробовать” разные практики. Более того, сексуальность, в таком понимании, уже не является чем-то природообусловленным и предопределенным, напротив — каждый “получает” или “культивирует” ее по своему желанию. Она характеризуется весьма податливыми, гибкими чертами, которые можно различным образом исследовать и определить. Индивид становится свободным в таком определении и использовании собственных особенностей. По утверждению Э. Гидденса, секс — это точка пересечения тела, самоидентификации и социальных норм [1, с. 15].

Эротика — это изобретение культуры, тем не менее она не является просто культурной конструкцией, возникшей “на ровном месте”, не является она также чем-то навязанным природе, “не естественным явлением”. Большинство “человеческих пороков” наблюдается и в жизни животных. Но поскольку сексуальной энергией человек наделен в гораздо большей мере, то и проявляется это, соответственно, больше. Эротика — вторичный продукт этой избыточной человеческой сексуальности. Она расцветает, будучи “пересаженной” на другую почву, паразитирует на других человеческих чувствах, далеких от секса. Отделенная от утилитарно-репродуктивных функций полового акта, она переживает невиданный расцвет. Более того, она берет на себя роли, которые раньше принадлежали другим “навигаторам” человеческого поведения. В условиях постмодерного “размывания авторитетов”, “общества рисков” она усиливает тревожность и напряженность интимной жизни; возлагает на себя новые социальные функции: в конструировании и изменении идентичности, в отстаивании автономности личности в межличностных связях. При отсутствии окончательной “очерченности” пола и сексуальных ролей, “эротическое своеволие”, или то, что Гидденс назвал “пластичностью плоти”, угрожающе распространяется.

Раньше половые роли были закреплены в культуре, представляли собой нечто “данное” — в моральных установках, а “отклонения” четко обозначались, сейчас же даже пол не является раз и навсегда “данным” — его можно изменить. Полная свобода господствует и в эротической “привязке” чувств. Эротика становится агрессивной. (Достаточно вспомнить скандалы по поводу педофилии в Интернете). Удовлетворение без последствий — вот лозунг современной эротики. И именно здесь назревает основной конфликт. Эротика становится самоценностью. Из промежуточного звена между сексом и любовью она превратилась в конечную цель. Таким образом, средство превращается в цель. Утверждение ее самодостаточности, несвязанности с остальными двумя — сексом и любовью — главная особенность взаимодействия этих трех сфер в постмодерные времена.

Это и определяет сущность новейшей постмодерной деконструкции интимности. На такую роль эротического в постмодерном мире влияет новый подход к соотношению рационального и эмоционального в жизни человека. Ценность последнего, по мнению Гидденса, ре-витализирует эротическое [1, с. 202].

Эротизм — это культивирования чувственности, искусство приносить и получать удовольствие. Эротическое противостоит всем формам эмоциональной инструментальности в сексуальных отношениях. Можно рассматривать эротизм как такое проявление сексуальности, которое связано с более широким рядом эмоциональных целей, главной из которых является коммуникация. Поскольку рациональное в оценках постмодернистов не доминирует над эмоциональным, толкование нравственности, которое зиждилось на рации, теряет почву, ведь, как известно, ничто так не разрушает чувства, как мышление. Высвобожденное эмоциональное в сферах сексуальности приобретает новое значение как средство коммуникации. Именно антирационализм эротического придает ему такую привлекательность в “ситуации постмодерна”.

Любовь — это попытка гармонизировать все три сферы: физическую, эмоциональную и духовную, слить их в нечто единое. История человечества до краев полна попытками осуществить это противоречивое объединение либо разделить их. В разные времена и в разных условиях применялись различные стратегии. Каждая культура имеет собственный опыт решения этих проблем.

Чаще всего речь шла о стремлении оторвать эротику от секса и связать с любовью, то есть “возвысить” эротику, одухотворить ее, прежде всего в искусстве. Эротику изображали как служанку любви, а секс словно бы отторгался как лишний элемент. В свою очередь, его рассматривали как второстепенный, но необходимый компонент гармоничных брачных отношений.

Ныне наблюдается дистанцирование любви от секса, сексуальные связи, казалось бы, не должны перерастать во взаимную привязанность и многосторонние контакты. Сексуализм — это редукция отношений полов к одной функции — удовлетворению телесных желаний. Он не только ослабляет узы любви, лишая их мощной мотивации, выходящей за пределы физиологии, он также лишен эротического содержания. Ведь эротизм связан с разнообразными ожиданиями, с многоаспектными взаимоотношениями. В этом он гораздо ближе к любви, хотя сопротивляется поглощению

последней. Как уже подчеркивалось, эротизм стремится быть самодостаточным. Он сам является своей целью и сам себе служит: страсть не жаждет удовлетворения, страсть жаждет страсти [см.: 7].

В иерархии “двойственного пламени жизни” — любовь, несомненно, является высшей, и в то же время наименее функционально оправданной. По мнению Баумана, любовь, особенно в наше время, это “воплощение неопределенности”. Стала ли она утраченным компонентом, о чем много писали после “сексуальной революции” 60–70-х годов? Можно говорить о сексе без любви, даже о любви без секса — разделение свершилось. И все же, хотя любовь в основном возникает случайно, именно в ней фокусируются все интимные взаимоотношения. Вместе с тем она приобретает черты изменчивости, непостоянства, почти не декларируя свою “бессмертность”. Любовь, прежде всего, оказывается делом личного выбора и самосоздания. Это скорее тип коммуникации, нежели бессмертное откровение, убежден Н.Луман [5]. Содержание ее формируется при особых обстоятельствах, довольно мобильно, и вместе с тем всегда потенциально трансцендентно для двух автономных индивидов. Это делает ее, отмечает Бауман, “жизненно важным ингредиентом и социальной, и частной жизни” [7]. В то же время она лишена конкретной формы, модели, и всякий раз формируется сызнова.

В условиях постмодерна, как свидетельствуют современные исследователи, в частности американский социолог Р.Сеннет, любовь как специфический феномен человеческих отношений наталкивается на огромные препятствия и напряженности. Первое — это задача противостоять бремени чрезмерных ожиданий, которые не могут оправдаться полностью. Требования взаимности делают ее хрупкой и неопределенной: хотим быть любимыми, но и избранник стремится к тому же. Каждый партнер старается занять главенствующее место в мире другого. Пониманием мы должны ответить на понимание, однако предшествующий опыт различен. Личные миры каждого не идентичны. Две разные биографии, разные опыты и ожидания. Абсолютная согласованность их вряд ли достижима, хотя бы потому, что есть два пола с соответствующей спецификой восприятия. Следовательно, неминуема взаимная коррекция поведения и компромиссы, кто-то должен уступить, изменить ожидания или отказаться от них. Но ведь это противоречит цели любви — взаимности. Обе стороны добиваются полной откровенности, но это — бремя, которое по силам не каждому.

Любовь тогда достижима, когда она воспринимается как *дар*, хотя зачастую ради взаимности она превращается в *обмен*: в чем-то мы уступаем в своих ожиданиях, что-то получаем взамен. В итоге все сводится к соревнованию эгоизмов. А отношения обмена становятся главными характеристиками возлюбленных.

Демократизация сферы интимности тоже несет угрозы любви. Этот процесс создает пространство для переосмысления этических и ценностных основ межличностных отношений, для выяснения того, что мы вкладываем в понятия: ответственность, забота, интерес, любовь. Содержательное наполнение их существенно трансформируется в периоды изменений. Единственное, что остается неизменным и даже усиливается — это неопределенность. Как замечает Уикс, “присутствие призраков неопределенности может помочь нам осознать, что жизнь без определенности является хорошим

стимулом к тому, чтобы вновь задуматься о том, что мы ценим и к чему действительно стремимся” [11, с. 285].

Наконец, “этос романтической любви”, весьма распространенный в XIX–XX веках и поддерживавшийся, главным образом, дискриминированной в этой сфере женской “половиной”, вследствие все более углубляющейся эмансипации заменяется в наши дни, по мнению Гидденса, “чистыми, без примесей взаимоотношениями” (pure relationship). Они уже строятся на несколько иных основаниях. В них акцент переносится на равенство, демократизм интимных отношений, на личностную автономность и свободный выбор, что, в свою очередь, делает возможным радикальный динамизм отношений. “Чистые отношения” становятся определяющими в интимных контактах, в них фокусируется личная идентификация, в которой происходит конструирование и ре-конструирование собственного Я и обеспечивается смысл единения с Другим. “Чистые взаимоотношения” — это продукт рефлексивного Я и одновременно то, что придает смысл личности, согласно аргументам Гидденса. Таким образом, любовь является тем феноменом, где достигаются самые лучшие возможности для самоопределения и придания смысла повседневной жизни, это самое лучшее место для единения дискретного мира.

Амбивалентность как одна из самых характерных черт “ситуации постмодерна” не обошла вниманием и феномен любви, поскольку в нем тоже проявляется противоречивое объединение естественного и сверхъестественного, реального и иллюзорного. “Вечная любовь” — это “белая ложь” традиционной культуры. Смертные в любви ведут себя как бессмертные. В случае, когда только что обозначился разрыв любви с эротикой (последняя никогда не связывалась с идеями бессмертия), принципы жизненной стратегии последней — “здесь и сейчас” — подрывают претензии любви на вечность. Сконцентрированное время постмодерна не отягощено будущим. Хешпининг вместо историчности; телевизионные клипы вместо литературных саг — вот тот фон, на котором разворачивается любовь сегодня. Такие информационно-художественные изображения соответствующим образом конструируют этот феномен. Содержание любви формируется “текстами” о нем в соответствии с названными принципами социологизации.

Сфера интимности как новая перспектива освобождения личности

Интимная сфера жизни начинает рассматриваться как актуальная сфера высвобождения человека из тисков современной цивилизации, как высвобождение неповторимой личности из-под давления общественных ограничений, лимитирующих эту неповторимость. Потенциал этой идеи в наши дни можно сопоставить с Марксовой идеей эмансипации как освобождения от уз эксплуатации труда. То есть если на рубеже XIX и XX веков проблема эмансипации была актуальной для экономической сферы, то на рубеже XX и XXI веков актуализируется проблема эмансипации интимного в социальной сфере, наблюдается перераспределение, прежде всего, естественного и социокультурного в объяснении места феномена сексуальности в жизни человека.

Мишель Фуко, проследившая историю сексуальности, пришел к выводу, что секс весьма тесно связан с властью и, переплетаясь с ней, становится аспектом, составляющей последней. Ведь эта сфера является сферой неусыпного социального контроля [4].

Современная цивилизация заставляет платить за ее блага человеческой свободой. Цивилизованность выступает синонимом ограничения естественного в человеке. Следовательно, дальнейшая репрессивность станет следствием прогрессирующей цивилизованности. Извечная дилемма свободы индивида и ответственности перед социумом, самовыражения и подчинения нормам и правилам поведения поведения оборачивается в этой сфере все более жестким контролем за внутренними устремлениями и влечениями индивида. Дисциплинированность, воспитанность, под которой понимаются хорошее усвоение норм и правил, берет верх над индивидуальными, естественными склонностями.

В своей “Истории сексуальности”, уже ставшей классической, Фуко пишет о возрастании “дисциплинирующей власти” в современном обществе, которая материализуется не только в увеличении количества тюрем, психиатрических больниц (последние как исправительные учреждения для тех, “кто не в своем уме”, можно сказать, усиленной социализации или “лечения” от инаковости возникли сравнительно недавно, а прежде таких людей ценили за способность иного проникновения в мир непостижимого для обычного человека — юродивых, дервишей, прорицателей и т.п.), но и в распространении других организаций, где человек подчиняется обязательным правилам поведения: государственных учреждений, школ, больниц как таковых, фирм... Все они производят “послушные тела”, деятельность которых подлежит контролю и регулированию, которым запрещены спонтанные действия, направленные на удовлетворение желаний, выходящих за рамки установленного. Власти выступают сдерживающей силой. В то же время она же оказывается эффективным инструментом или кратчайшим путем достижения удовлетворения. В этом, по логике Фуко, заключается общее поле власти и секса. Социальные силы не только ограничивают сексуальность, она является местом пересечения многих отношений власти, фокусом социального контроля, поскольку генерирует энергию, вдохновляемую властью. Стабильность и незыблемость государственного порядка времен модерна зависела от всестороннего контроля за населением, всеобщего надзора. Среди важнейших институций, призванных осуществлять этот надзор, — “анатомио-политика человеческого тела”, технология управления человеческими телами. Власти всегда выступали блюстителем санкционированных форм сексуальности, по словам Фуко, “власть брала сексуальное тело в свои руки”. Основные критерии “здорового” тела (включая моральную составляющую) — пригодность к воинской службе, к труду, к семейной жизни и непригодность к этому тех, кто не соответствует эталонам “здоровья” и “нормальности”, “кто выпал из гнезда”, а следовательно, их (как в известном кинофильме М.Формана) следует модифицировать, чтобы вернуть туда.

Однако в постмодерном обществе это уже не актуально, в нем можно обойтись без массовой армии и массового производства; без стандартизированных, “здоровых и послушных” тел. Признаками “пригодности” в наше время выступают, скорее, раскованность, чувствительность к новому, тяга к

новым ощущениям, склонность к какому-либо новаторству, неограниченность проявлений жизненных сил. То есть речь идет об ориентации на нечто совсем иное. В современном обществе сфера сексуальных отношений перемещается с периферии общественной жизни к ее центру. Секс — в центре внимания, он исследуется и обсуждается, он становится частью современного нарратива. В сегодняшней “великой проповеди” он оттесняет сферу теологического. Напомним, что Э.Дюркгейм говорит об обществе как о “священном”, как о преобразованном предмете поклонения. В наше время подобным предметом становится сфера реализации чего-то противоположного, если не асоциального, то потенциально такового. Ведь секс всегда был свободной зоной индивидуального самовыражения. Поэтому он становится культовым объектом, ему поклоняются как проявлению свободы.

Ни одно общество настолько не проникалось проблемами секса, как современное общество Запада — общество “зрелого модерна”. С другой стороны, контроль за сферой сексуальности всегда был составной частью аппарата власти. Трудно представить себе средневекового рыцаря или крестьянина, купца или ремесленника Нового времени, предпринимателя или рабочего времен начала модернизации настолько озабоченными сексом, как человек современного западного мира. У них не было столько свободного времени в борьбе за выживание или за другие цели. Но главное — это отсутствие современных средств массовой информации и массового искусства. В содержании современного телевидения, кино, массовой печатной продукции “об этом” или “вокруг этого” занимает такое место, которого секс совсем не имеет в реальной социальной жизни. То, что игнорировалось и выталкивалось в сферу подсознательного или же криминального, аморального, оказалось в центре внимания. И как часто бывает в таких случаях, в преувеличенном, искаженном виде, словно нагоняя упущенное историческое время.

Согласно Фуко, уже в конце XIX — начале XX века распространяются “репрессивные гипотезы” относительно сферы сексуальности. Прежде всего, определялось то, с чем нужно бороться (например, юношеская мастурбация) или карать как “отклонение”, составляется каталог “отклонений”, идентификация с которыми служит основанием для репрессий, поскольку нетрадиционные сексуальные ориентации рассматриваются как “нездоровые”, преступные наклонности (например, гомосексуальность) и т.п. Власти навязывали понимание, которое было далеким от научного, непредубеденного взгляда и основывалось на ложных выводах. Но и в наше время, когда сложилось иное, более взвешенное понимание многих вещей, оно также используется для манипуляций человеком в сфере сексуальности.

То, что раньше было “тайной”, становится предметом обнаружения “правды”, фундаментальной “истины” как продукт научного дискурса. То есть речь идет о науке, которая не столько раскрывает реальное состояние вещей, сколько непосредственно создает предмет исследований — секс. Как когда-то феномен “безумия”, секс — это феномен, зависящий от текстов о нем: обобщений, обзоров, установок, инструкций, которые его очерчивают, описывают, истолковывают, задают ракурс анализа. Общество определяет формы сексуального поведения, санкционирует и запрещает его в плоскости “власти/знания”, господствующих в данное время в данном пространстве. Исторический экскурс в недалекое прошлое показывает непостоян-

ство, относительность и зависимость этих форм от используемых “власти/знания”.

Следовательно, сексуальность является социальным конструктом, которым оперируют на поле власти. Это — не только биологическое явление, которое так или иначе реализуется. Это — обыденный феномен, создаваемый СМИ, индустрией “массовой культуры”, а также источниками знаний: книгами, статьями, исследованиями... Дискурс становится конституирующим относительно отображаемой им социальной действительности. Социальные факторы являются главными относительно того места, которое занимает сфера сексуальности в жизни человека XXI века.

Именно эти факторы определили “пластиковую революцию”, которая, по словам Фуко, явилась предпосылкой “сексуальной революции” середины XX века. Секс освободился из узких рамок преимущественно репродуктивной функции, произошла его либертационализация. Сегодняшние сексуальные практики определяются институционализированной рефлексией, “текстами”, доминирующими в современном культурном пространстве. А они внушают массовому сознанию, что секс является сферой свободной самореализации, зоной, где индивид может чувствовать себя свободно, что ничто уже его не ограничивает. Это именно та сфера, где возможно развитие человеческой эмансипации.

Сексуальность все еще связана с властью, социокультурным контролем, как замечал М.Фуко, но в данное время в несравнимо меньшей мере. Вместе с тем в постмодерном видении, в частности согласно утверждению Э.Гидденса, секс становится важной точкой пересечения двух процессов, характеризующих современное состояние общества: обретение сексом большей свободы обособленности в дискретных формах сегодняшней экзистенции, его дальнейшая индивидуализация и трансформации интимности в сторону демократизации сексуальных отношений. “Секс может быть “историческим конструктом”, но остается и ключевым местом для самоконструирования своего значения для себя и своего социального положения” [11, с. 282]. В ракурсе постмодерного видения социокультурных перспектив развитых обществ, сфера сексуального все более будет рассматриваться как область дальнейшего освобождения личности от диктата социума. Сексу предвещают роль основного средства и измерения эмансипации индивида.

Впрочем, на этом пути вырисовывается целый ряд проблем и конфликтов.

Сексуальный маньяк как герой культуры постмодерности

Нынешняя сепарация эротики от прочих человеческих связей и чувств делает ее предметом контроля только эстетичных критериев, мораль остается в стороне. Это может дорого обойтись обществу. Во времена радикальной переоценки ценностей, ревизии традиционных норм, ни одна из которых не избежала критики и осуждения, погоня за наслаждением в сфере эротической связана с опасностью и риском, поскольку новые ценности и нормы разделяют далеко не все.

Постмодерная культура воспевает наслаждение сексом и призывает к насыщению им всего “мира переживаний”, к развитию в себе телесного сладострастия. Вместе с тем, эта же культура запрещает рассматривать другую

личность как объект сексуальных экспериментов, подчеркивает неприкосновенность телесной индивидуальности. Имеющееся разногласие порождает ряд напряженностей, конфликтов, наконец, доводит до криминала.

В традиционных сексуальных контактах партнеры одновременно являются субъектами и объектами желаний, где роли любовников заранее определены. Сегодняшнее “новаторство” в этой сфере должно быть обоюдным. Это непросто в ситуации противоречивых культурных сигналов, нередко отрицающих то, что пропагандируется. Тем более не понятно, что является нормальным, а что уже нет. Насаждаемый маскультом и СМИ виртуальный секс и эротика в сопоставлении с убогой реальностью способны вызывать неврозы и психические расстройства.

Во всей остроте проблема вырисовывается, если обратиться к теме насилия и извращений в интимных отношениях и ее отражению художественно-информационными средствами.

Сексуальное насилие, несомненно, является “темной стороной” демократизации сексуальной жизни. Им заполнено пространство популярных жанров искусства и криминальных хроник СМИ. Сексуальный маньяк превратился в главного персонажа кинофильмов и телесериалов, литературных произведений и газетных полос. Он стал своеобразным символом западного маскульта; там сексуальный маньяк предстает как особый тип людей, способных испытывать особого рода наслаждения, причем только единственно извращенным путем. Подобная мания не обязательно реализуется с помощью насилия, но в художественном отображении, как правило, для облегчения однозначной моральной оценки, именно насилие и жестокость являются ее обязательными компонентами.

Следует отметить, что такие люди в социуме были всегда — “в семье не без урода”, доля их примерно одинакова (как и самоубийц), а вот отношение к ним в истории человечества менялось. В эпоху Средневековья они представлялись порождением дьявола (как дьявольской считалась природа сексуальности вообще), а следовательно, иметь дело с этими извергами следовало священнику, поскольку “изгнать беса”, противостоять ему мог только священнослужитель; в Новое время — это преступники, нелюди, поэтому ими должны заниматься полиция, суды, тюремщики, то есть их нужно карать; новейшая история усматривает в них психически больных, ими поручено заниматься психиатрам, сексопатологам, то есть нужно лечить; в постмодерном социуме — это уже “бунтари” против системы, стандартизирующей и подавляющей своеобразие личности, “борцы” против рутинной сексуальной обыденности.

А значит, сексуального маньяка все более рассматривают как вызов современному типу конформистского поведения. Это уже не “нечистая сила”, преступник или больной человек, а герой, отстаивающий собственную самобытность. В постмодерной размытости граней между нормой и патологией, высоким и низким, реальным и виртуальным сексуальный маньяк — это “каждый из нас” (в глубине души), это “человек, даже слишком человек” [9, с. 111].

Он — воплощение предельной степени деструкции, гипертрофированное потребительски-гедонистическое начало. Произошла эстетизация секс мании, как раньше любви (тоже разновидности мании), только речь уже идет не о возвышенных, а о низменных чувствах. Тем не менее наиболее

существенным является то, что маньяка начинают воспринимать как выразителя протеста против социальности, пронизывающей постмодерное видение мира. В мире индустриализированного “стола и кровати” лишь сексуальный маньяк не забывает о человеке и принимает вызов со стороны Эроса и Танатоса. Он символизирует крах буржуазных ценностей, сфокусированных в протестантской этике: отказа от наслаждения ради рациональных целей благосостояния, накопления, труда. Он демонстрирует торжество природы (в форме насилия и разрушения) над культурой и всем, что с ней связано: моралью, религией, правом, социальными институтами ... во имя “любви и смерти”.

Как справедливо отмечает А.Мальцев, феномен героизации сексуального маньяка является “прямым следствием потери обществом уверенности в существовании объективных оснований разума, языка, морали” [9, с.118], то есть основных черт общества, как их изображают постмодернисты. Вместе с тем, следует принять во внимание новое место и функции эротического, его отрыв от “естественного секса” и “возвышенной любви”, “непоколебимость” его буржуазным основам образа жизни.

Кроме этого нужно сказать о влиянии феномена социологизации. В свое время Л.Ионин отметил, что распространение научной сексологии с ее “объективным видением сексуальности”, приводит к “банализации пола”, расколдовывает жизнь, раскрывает ее тайны, лишает ее ощущения уникальности и неповторимости сексуального переживания, де-драматизирует эротическую жизнь, сводит ее к уровню банальной моторики [10].

Распространение массового знания о сексуальной стороне жизни человека (в том числе “поп-сексология — полусексбеллетристика, полупорнография) становится частью соответствующего дискурса, играет роль “научной” базы формирования представлений о возможном сексуальном поведении, сокрушает всяческие табу и запреты в достижении эротических удовольствий, не задумываясь о вероятных социальных последствиях.

Сфера интимности:

“открытый проект” и свободное пространство самореализации

В своей книге “Трансформация интимности: секс, любовь и эротизм в современных обществах” Э.Гидденс подводит нас к выводу, что демократизация личной жизни, очищение интимных отношений от всего постороннего уже началось [1, с. 184]. Расширение процессов демократизации в этой области не просто наблюдать непосредственно, поскольку они в основном оказываются вне сферы публичности, но не вызывает сомнений то, что последствия их весьма глубоки. Интимная жизнь индивида, пожалуй, “последний редут” несвободы, общественной регламентации. После эмансипации труда, свободы политического выбора, гражданских прав ныне подошла очередь освобождения сексуального поведения человека от социальной опеки.

Свидетельством подобной демократизации служит утверждение идеи автономности индивида в его интимном мире. Он уже в большей степени является *само-оцениваемым* и *само-детерминируемым*. Ограничивается внешнее давление на него, появились прекрасные возможности для его саморазвития. Реализация “личного проекта” предполагает свободное

определение и в сфере интимности. Права и обязанности остаются необходимой составляющей этого мира, однако это уже не означает существования жестких правил взаимодействия в этой сфере, ее следует рассматривать скорее “как кластер прерогатив и ответственностей, определяющих программу практической деятельности” [1, с. 190]. Императив свободной и открытой коммуникации становится принципом прозрачных взаимоотношений, не требующих других критериев. Разрыв с принудительностью, открытый диалог и выражение индивидуальных потребностей становятся средствами реализации процессов демократизации.

Демократизация интимности включает также наличие “радикального плюрализма” в этой сфере, отсутствие ограничений для сексуальной активности. Прежде всего речь идет о признании равных прав на женскую сексуальность, равенстве гетеро- и гомосексуальности. Сексуальная эмансипация означает объединение такого эластичного, толерантного отношения к сексуальной деятельности с рефлексивным проектом собственного Я. Никакие запреты не нужны, если уважать демократические принципы, и в первую очередь принципы автономности индивидов, если не допускать “эксплуатационной доминации”, принуждения в интимных отношениях.

Самый большой прогресс достигнут в отношении к однополю любви. Если в результате исследования А.Кинси в 50-х годах оказалось, что всего около 50% американцев заявили о своей “исключительной гетеросексуальности” (то есть другая половина допускала для себя гомо- или бисексуальность), а у женщин склонность к “нетрадиционным” ориентациям отметили 15%, что вызвало шок в консервативном американском обществе, то современные социологи фиксируют массовую легализацию и реабилитацию бывших “извращенцев” (даже в армии США в наши дни гарантируются права гомосексуалистов). Принадлежность к “гей-коммунити” становится если и не уважаемой, то по крайней мере чем-то не вызывающим остракизма. В развитых странах Запада гей-культура переживает расцвет, распространяется “новое публичное лицо гомосексуализма” (Гидденс), имеющее выразительные положительные характеристики. Ведь гей-общности не присуще классовое, расовое или этническое разделение, ее члены объединяются на основе взаимотолерантности, уважения к личности и т.п., к чему стремится все общество.

В качестве красноречивого примера изменения общественных настроений по поводу гомосексуальности Гидденс приводит случай, описанный в докладе Института Кинси, опубликованном в 1990 году. 65-летний мужчина после смерти жены, с которой он счастливо прожил 45 лет, почувствовал влечение к другому мужчине и нашел взаимность. Раньше он ничего подобного за собой не замечал, а теперь не скрывает своих новых чувств и не ощущает дискомфорта. Единственная проблема — “что сказать детям”. Трудно представить подобную ситуацию еще несколько лет назад, отмечает Гидденс.

Каждый может “открыть себе новый мир”, трансформировав свою сексуальность, даже изменить пол. Открываются — и предлагаются — новые возможности для самоидентификации. И в этом, видимо, заключается основная особенность постмодернизационных условий.

Постмодерная стратегия интимных отношений строится на отличной от предыдущей версии эротике — как самодовлеющей и самоценной. За “сексуальной революцией” 60–70-х годов XX века пришла “революция эро-

тическая”. Цели ее заключаются не в легитимации разнообразных, свободных сексуальных контактов, а в том, что Бауман назвал установкой на “коллекционирование ощущений”. В отличие от монотонных плотских желаний, примитивных плотских удовольствий, основывающихся на природных инстинктах, постмодерные “искатели переживаний” обращаются к фантазиям, подпитываемым культурными продуктами. Растет спрос на более мощные, ранее не доступные для переживания эффекты. На довольно узком поле, отведенном человеку природой для экспериментов в этой сфере, продолжается поиск новых, “высших”, предельных форм наслаждения. Правда, зачастую они оказываются такими же, что и предыдущие. А это уже питательная среда для сексманиакальности.

Как и во всех остальных сферах человеческой деятельности, здесь следует полагаться на принципы согласия, учета интересов, взаимоуважения. В сфере интимности, подытоживает Гидденс в постмодерном духе, “различия” могут стать средствами “коммуникации” [1, с. 196].

Представляется, что постмодерная декомпозиция составных частей интимной сферы современного человека не принесла ему успокоения, хотя и открыла новые перспективы. Вместо тотального надзора за этой сферой, ограничений и запретов ради общепризнанных “послушания и здоровья”, критериев “нормальности” и “отклонения” и т.п., человек, освободившийся от власти социальных ограничений, получил весьма туманные ориентиры виртуальных удовольствий. Разорванность, изолированность друг от друга элементов интимной сферы обедняет их содержание и нарушает историческую преемственность жизни. Не обогащение и не свободное развитие, а маскуловский диктат в этой сфере становится характерной особенностью интимного бытия человека. Новые горизонты человеческой чувственности и свободного самопроявления, открывшиеся на нынешнем этапе развития, требуют новой культуры интимных отношений, переживающей становление. Следовательно, актуализируются новые проблемные поля, зоны напряженностей и разногласий человеческого существования, требующие внимания со стороны социологии.

Литература

1. *Giddens A.* The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. — Cambridge, 1992.
2. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity — Cambridge, 1991.
3. *Weeks J.* Against Nature: Essays on History, Sexuality and Identity. — L., 1997.
4. *Foucault M.* The History of Sexuality. — L., 1976/1979. — Vol. 1.
5. *Luhmann N.* Love as Passion. — Cambridge, 1986.
6. *Baumann Z.* Postmodern Ethics. — Oxford, 1993.
7. *Baumann Z.* O ponowoczesnych pozytkach z seksu // *Studia Sociologiczne.* — 1997. — 4. — P.87–106.
8. *Paz O.* Podwiny plomiek: Milosc i erotyzm. — Krakow, 1996.
9. *Мальцева А.П.* Сексуальный маньяк как герой культуры и культурный герой // *Человек.* — 2000. — № 4. — С. 109–124.
10. *Ионин Л.Г.* Упрощенная эротика // *Человек.* — 1992. — № 3.
11. *Contemporary Social Theory* / Ed. by A.Elliot. — Oxford, 1999.
12. *Ингельгарт Р.* Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // *Новая индустриальная волна на Западе: Антология* / Под ред. В.Иноземцева. — М., 1999.